

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.17.84.014

Теоретико-правовые проблемы применения принципов МГП в условиях автономизации вооружений

Бурукина Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;

Аспирант,

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34;
e-mail: obur@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые вопросы, поднятые развитием автономных систем вооружений (АСВ) в соответствии с международным гуманитарным правом (МГП), при этом особое внимание уделяется проблемам применения основных принципов МГП к АСВ на современном этапе развития дискуссии в политических и юридических кругах международного сообщества.

На современном этапе развития МГП разработка, производство, распространение и применение АСВ не регулируются конкретно международными конвенциями и протоколами в рамках МГП. Тем не менее, не подлежит сомнению, что применение АСВ должно соответствовать принципам МГП. Ответственность за обеспечение этого лежит, прежде всего, на каждом государстве, разрабатывающем, разворачивающем и использующем боевые автономные системы.

Автор анализирует противоположные тенденции, сформировавшиеся в современном юридическом сообществе относительно обязательств по международному праву. При этом значительная часть мирового сообщества придерживается мнения, что и обязательства, и ответственность за них не могут быть перенесены на боевые машины, компьютерные программы или системы вооружений.

Особое внимание в статье уделяется проблеме ответственности за применение АСВ в аспекте применения МГП на разных уровнях: индивидуальном, институциональном, государственном и межгосударственном.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурукина О.А. Теоретико-правовые проблемы применения принципов МГП в условиях автономизации вооружений // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 5А. С. 92-103. DOI: 10.34670/AR.2020.17.84.014

Ключевые слова

Автономизация вооружений, автономные боевые системы, международное гуманитарное право, теоретико-правовая основа, применимые принципы МГП.

Введение

Правила МГП устанавливают обязательства для комбатантов-людей при использовании оружия для совершения нападений, и именно комбатанты несут ответственность за соблюдение этих правил и ответственность за любые их нарушения.

Применение АСВ поднимает глубокие этические вопросы о роли и ответственности людей за применение силы, выходящей за рамки вопросов соблюдения МГП при ведении военных действий.

Совокупность актуальных международных проблем, бросающих вызов международному сообществу и международному гуманитарному праву на данном этапе его развития, включает в себя как известные проблемы, связанные с нарушением принципов МГП в ходе вооруженных конфликтов, так и сравнительно новые, связанные с автономизацией и роботизацией вооружений.

Хотя сегодня вооруженный конфликт с применением так называемой автономной робототехники, развивающийся без непосредственного участия человека, может показаться несколько преувеличенным описанием будущей гонки вооружений, современная стратегия США включает в себя «постепенное сокращение к 2036 году степени контроля человека над беспилотным оружием и автономными системами вооружений до тех пор, пока люди полностью не выйдут из этого цикла» [Mundy, 2011: 280].

Основной целью данной статьи является прояснение международно-правовой позиции мирового сообщества в отношении развития и применения АСВ, а также выявление ключевых факторов и актуальных тенденций эволюции МГП, в первую очередь непосредственно связанных с международно-правовым регулированием распространения и применения АСВ.

Факторы внешней среды, обуславливающие развитие МГП

В последние 10 лет более 60 стран стали объектом вооруженных конфликтов – как межгосударственных, так и немеждународных – при этом основными жертвами нарушения МГП оставались гражданские лица.

При этом необходимо подчеркнуть, что принципы МГП нарушались как государствами-участниками вооруженных конфликтов, так и негосударственными вооруженными группировками. В ходе военных действий нарушения МГП зачастую включали в себя преднамеренные нападения на гражданских лиц, разрушение инфраструктуры и материальных ценностей, необходимых для их выживания, и насильственное перемещение гражданского населения.

Гражданские лица в населенных пунктах чаще всего страдали от неизбирательных методов и средств ведения войны, поскольку участники вооруженных конфликтов далеко не всегда принимали все возможные меры предосторожности, как того требует МГП, последствием чего была гибель гражданского населения и уничтожение гражданского имущества. Лица, лишённые свободы, также становились жертвами серьезных нарушений МГП, а именно убийств, пыток и жестокого обращения, а также оскорбления их личного достоинства [ICRC, 2011: 5].

Общая нестабильность на местах и отсутствие доступа к негосударственным вооруженным группировкам для обеспечения гарантии безопасности, а также нередко совершаемые ими преднамеренные нападения на конвои гуманитарных организаций и их сотрудников не позволяют доставлять нуждающимся необходимую гуманитарную помощь, оставляя в

неопределенности судьбу десятков тысяч мирных жителей.

На этом фоне правительства некоторых государств продолжают отрицать, что на их территории имеют место немеждународные вооруженные конфликты и, следовательно, должны применяться принципы МГП, что затрудняет или делает невозможным диалог с МККК относительно соблюдения ими обязательств по МГП. Некоторые правительства также неохотно признают необходимость вовлечения негосударственных вооруженных группировок в решение вопросов, касающихся распространения МГП и применения его принципов на том основании, что означенные вооруженные группировки являются «террористическими организациями» или иного рода преступными сообществами [там же].

Таким образом, одним из значимых факторов, обуславливающих эволюцию МГП в современном мире, можно считать особенности вооруженных конфликтов, в том числе увеличение количества и расширение масштабов немеждународных вооруженных конфликтов, часть которых не подтверждается правительствами государств, на территории которых они ведутся, а также сформировавшуюся тенденцию передачи правительствами прерогатив государства по применению силы в вооруженных конфликтах частным военным и охранным компаниям, в результате чего усложняется состав противоборствующих сил в вооруженных конфликтах, и возникают проблемы определения их статуса с точки зрения принципов МГП [Бисултанов, 2016, с. 3].

Вооруженный конфликт на современном этапе своего развития приобрел специфические ранее не характерные черты. Так, вслед за С.В. Бухминым можно утверждать, что в настоящее время на мировой арене преобладают вооруженные конфликты немеждународного характера, локализованные на территории одного государства, и причинами их возникновения могут внешне выступать этнические или религиозные разногласия [Бухмин, 2005], прикрывая транснациональные интересы ведущих мировых держав.

В этой ситуации особенно четко проявляется разрыв между договорным и обычным международным гуманитарным правом, причем очевидна тенденция по усилению роли последнего, связывающего участников вооруженных конфликтов даже в ситуации неприменимости к ним норм договорного права [там же].

Вторым фактором, формирующим современную траекторию развития международного права и МГП, можно считать усиление тенденции силового решения международных проблем вплоть до «гуманитарной интервенции» как инструмента вмешательства в дела других государств [Капустин, 2014: 13]. Нет ничего нового в том, что большие страны подчиняют своих меньших соседей, даже не вторгаясь на их территорию. Перспективы, открываемые развивающимися технологиями вооружений, способствующими нарастанию нестабильности между соперниками, обладающими ядерным оружием, не внушает оптимизма, но заключенные ранее соглашения о контроле над вооружениями [Вашингтонское морское соглашение (1922-1939)] предлагают возможные пути снижения риска эскалации.

Третьим значимым фактором, детерминирующим развитие МГП, является изменившийся характер средств и методов ведения войны, а именно интенсивная роботизация и автономизация вооружений, в том числе с интеграцией искусственного интеллекта (ИИ). Причем особенностью новых средств и методов ведения войны является то, что они не подпадают под прямой запрет МГП.

Вероятный разрушительный эффект сингулярности, который в широком смысле можно определить как технологически обусловленную революцию, затрагивающую все аспекты жизни общества, вызовет вопросы о способности машин с искусственным интеллектом (ИИ) или

искусственным сознанием (ИС) руководствоваться моральными принципами [Warren & Hillas, 2017: 72] в процессе принятия решения о выборе и поражении цели.

Очевидно, что в силу отсутствия эмоций, правовых и морально-этических суждений применение АСВ вызывает серьезные проблемы в соблюдении принципов гуманности. Даже если полностью автономное оружие сможет адекватно защищать человеческую жизнь, оно не сможет уважать человеческое достоинство. В отличие от людей, роботы не смогут в полной мере оценить ценность человеческой жизни и значение ее потери, принимая решения о жизни и смерти на основе алгоритмов и сводя свои человеческие цели к объектам. Таким образом, полностью автономное оружие будет нарушать все выработанные человечеством принципы гуманности, подразумевающие гуманное отношение к другим людям и уважение человеческой жизни и человеческого достоинства [Docherty, 2018].

Перспективы распространения автономных систем вооружений

Хотя до сих пор не существует «юридически обязательного» определения АСВ, расширяющийся опыт применения роботизированных систем и нарастающая эскалация АСВ на основе ИИ и ИС однозначно определяют траекторию развития военного конфликта на ближайшие несколько лет.

Современное поле битвы вступило в новую эру, в которой неуклонно растет применение АСВ, основанных на робототехнике, а в недалеком будущем и искусственного интеллекта (ИИ). Учитывая нынешние международные обстоятельства, Организации Объединенных Наций, по всей вероятности, будет трудно ввести эффективные запреты или ограничения их применения и распространения. С учетом современных возможностей их технологического развития можно предположить, что в течение следующих двух десятилетий АСВ, вероятно, станут основой боевых действий именно из-за сложности их международно-правового ограничения и из-за тех преимуществ, которые они предлагают любым применяющим их армиям или военизированным группировкам.

Несмотря на относительный успех менее совершенного оружия, а также значительные расходы и трудности с приобретением более совершенных (автономных) систем вооружения, негосударственные субъекты продолжают использовать новейшее оружие по двум важным причинам. Во-первых, для менее финансируемых, менее влиятельных негосударственных субъектов передовое оружие существенно увеличивает масштаб силы, которую они могут использовать против врага – и в перспективе может «выровнять игровое поле».

Во-вторых, усовершенствованные системы вооружений предоставляют негосударственным субъектам значительные репутационные и символические выгоды, поскольку владение таким оружием присваивает статус, обычно присущий лишь нескольким мировым лидерам [Chartoff, 2018].

Государства давно осознали эти риски и установили многочисленные меры контроля над производством и экспортом вооружений с целью ограничить и регулировать распространение оружия массового уничтожения.

Однако международные усилия по ограничению распространения АСВ в настоящее время отстают от появления новых более эффективных и более разрушительных технологий. В частности, последние несколько лет ознаменовались особенно быстрым развитием АСВ. Учитывая их потенциал в плане эскалации конфликтов и нанесения огромного побочного ущерба, международное сообщество интенсивно обсуждает необходимые ограничения на

развитие автономии АСВ, в том числе запрет на полностью автономные системы. Тем не менее, такие дискуссии в основном ограничивались государственным применением АСВ. На сегодняшний день модно констатировать, что международное сообщество мучительно медленно решает вопрос о возможном приобретении и применении АСВ негосударственными субъектами [там же].

В значительной степени из-за отсутствия четко зафиксированного в международных правовых актах человеческого контроля над АСВ, применение смертоносных автономных систем вооружения, или «роботов-убийц» вызывают множество правовых и этических проблем, нашедших отражение в современной международно-правовой дискуссии.

Правовая дискуссия об ответственности за развитие вооружений

Согласно определению, автономные системы вооружений (АСВ) – это системы оружия, «которые могут обучаться или функционально адаптироваться в ответ на изменяющиеся обстоятельства внешней среды» [ICRC, 2011]. Подразумевается, что автономные системы должны с помощью датчиков, позволяющих им ориентироваться в конкретных условиях и ситуациях, иметь возможность идентифицировать как законные цели, так и гражданское население / гражданские объекты, которые могут потенциально пострадать при нападении с их применением [там же].

При этом поскольку, в соответствии с принципами МГП, при ведении военных действий запрещается «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания»¹, предполагается, что АСВ должны избегать причинения излишних повреждений и ненужных страданий.

Развитие АСВ стало предметом международных дискуссий с 2013 года. В том же году была организована международная кампания «Остановить роботов-убийц» – коалиция гражданского общества, поддерживающая и продвигающая межгосударственные обсуждения распространения и применения АСВ. После проведения трех неофициальных совещаний экспертов государства-участники Конвенции о конкретных видах обычного оружия (здесь и далее – Конвенции) в 2017 году начали официальные переговоры по данному вопросу. В августе 2018 года примерно 80 государств вновь соберутся для следующего совещания Группы правительственных экспертов по Конвенции [Docherty, 2018].

Государства-подписанты Конвенции достигли общего согласия в том, что в отношении любых систем вооружения и любых ситуаций применения силы должен применяться «осмысленный», или «эффективный человеческий контроль» и «надлежащие уровни человеческого суждения» [ICRC, 2011].

По мнению МККК, ввиду постепенного увеличения автономии в системах вооружений, в частности в «критических функциях» выбора целей и нападения на них, опыт работы с существующими системами вооружений может дать представление о том, где именно следует установить пределы автономии в системах вооружений, а также вид и степень человеческого контроля, необходимого для обеспечения их соответствия МГП и принципу этической допустимости [ICRC, 2016: 7].

Однако применение принципов МГП в условиях автономизации вооружений прямо

¹ ДП I, ст. 35(2); Гаагское положение, 23(д); ОМГП, норма 70.

противоречит национальным (экономическим и политическим) интересам государств, играющих лидирующую роль на международном рынке и международной политической арене. В частности, ряд исследователей отмечает очевидные противоречия между применением принципов МГП и современной парадигмой глобальной борьбы с терроризмом, а также правовые противоречия и глобальные последствия столкновения интересов национальной безопасности и стратегических целей в «войне с терроризмом» с принципами МГП [Warren & Hillas, 2017].

Так, хотя, по мнению военных экспертов Пентагона, стремление провести различие между разными диапазонами спектра автономии полезно в научном смысле, позиция США гораздо менее детализирована, поскольку любой запрет на будущее оружие (в том числе на основе искусственного интеллекта) может потенциально «заблокировать» эволюционную разработку любого оружия, разрабатываемого в настоящее время или находящегося на вооружении вооруженных сил США, тем самым лишая другие американские компании возможности разрабатывать более сложные технологии в долгосрочной перспективе [там же].

Существует мнение, что с учетом поляризации позиций основных стейкхолдеров распространения АСВ необходимо разработать международно-правовой инструмент с более конкретными определениями «осмысленного» человеческого контроля, но с меньшим количеством государств-участников. Однако апологетам данного подхода необходимо понимать, что такому документу не хватало бы универсальности и, как следствие, его принятие подорвало бы универсальность МГП и международного права в области прав человека (МППЧ). Явный запрет АСВ без масштабной международной поддержки оставляет государствам, решившим не ратифицировать новый международно-правовой инструмент, возможность использовать данный вид вооружений (в рамках существующего международного права) [Eklund, 2020: 50].

Вместо этого, если основание для признания АСВ незаконным вытекает из действующих международно-правовых норм, все стороны будут вынуждены принимать его во внимание, включая тех, кто не ратифицирует запрет – что будет поддерживать универсальность и значимость принципов МГП и МППЧ [там же].

Однако, поскольку нормы и принципы МГП в итоге применяются людьми, несущими ответственность за их соблюдение при совершении нападений/атак, именно люди должны нести ответственность за нарушение означенных принципов. Отсюда следует, что определенный уровень человеческого контроля – «разумный», «осмысленный» или «эффективный» – за применением АСВ всегда будет необходим для обеспечения соответствия МГП, что может повлечь за собой ограничения допустимого уровня автономности. В рамках этой международно-правовой тенденции МККК призвал сохранить контроль над любыми системами вооружений и применять законную силу для удовлетворения юридических и этических требований [ICRC, 2011].

Ответственность за применение АСВ

В связи с вышеизложенным отдельную проблему в данном контексте представляет собой вопрос ответственности, связанной с использованием АСВ. В соответствии с положениями общего международного права, регулирующими ответственность государств, государство должно нести ответственность за международно-противоправные деяния, в том числе нарушения МГП, совершенные его вооруженными силами с использованием АСВ. А также

государство должно нести ответственность в случаях использования АСВ, которые не были должным образом протестированы или проверены до развертывания [Sassóli, 2014].

Согласно МГП и международному уголовному праву ограничения человеческого контроля над АСВ могут затруднить поиск лиц, причастных к программированию (стадия разработки) и развертыванию (стадия активации) автономного оружия и потому ответственных за имевшие место серьезные нарушения МГП. Лица, запрограммировавшие или активировавшие АСВ, могут не иметь умысла и/или не обладать знаниями, необходимыми для привлечения к ответственности, поскольку автономная боевая система, будучи активированной, может самостоятельно выбирать и атаковать цели [Petman, 2017].

Программисты, задающие АСВ первоначальные рабочие алгоритмы, не могут знать о всех конкретных ситуациях, в которых впоследствии может быть развернута та или иная система вооружения и в которых могут возникнуть нарушения МГП. Аналогичным образом, даже в момент активации АСВ командиры могут не знать точное время и место, где автономная система атакует самостоятельно выбранную цель.

С другой стороны, программист, преднамеренно программирующий АСВ для работы с нарушением МГП, или боевой командир, активирующий автономное оружие, которое не может функционировать в конкретной ситуации на законных основаниях, будет нести уголовную ответственность за нарушение международного права и его последствия. Аналогичным образом, командир, который сознательно решает активировать автономную систему оружия, эффективность и последствия применения которой он в конкретной ситуации не может разумно предсказать, может быть привлечен к уголовной ответственности за любые серьезные нарушения МГП, которые способно повлечь за собой его решение, считающееся безрассудным в подобных обстоятельствах [там же].

Однако в случае отсутствия контроля за применением и распространением АСВ ответственность за возможные негативные последствия для человечества как в глобальном, так и в региональном масштабе будет лежать на всем мировом сообществе.

Перспективы правового регулирования АСВ подразумевают как национальный, так и международный уровень. При этом анализ международного правового дискурса позволяет сделать вывод, что на обоих уровнях имеются некоторые подвижки.

Так, международным сообществом признается важность сохранения человеческого контроля за выбором цели и нападением на нее, хотя до сих пор не выработано общего понимания, что собой представляет «осмысленный человеческий контроль». Некоторые стейкхолдеры полагают, что «полностью автономные» системы вооружений, по определению работающие без человеческого контроля, могут быть полезны в очень ограниченных обстоятельствах в конфликтах высокой интенсивности. Однако АСВ, работающие под контролем человека, вероятно, будут иметь значительную военную полезность из-за необходимости систематического контроля за применением силы [Docherty, 2018].

Два государства – Соединенные Штаты и Соединенное Королевство – разработали общедоступную национальную политику в отношении АСВ. Политика США гласит, что «автономные и полуавтономные системы вооружений должны быть разработаны таким образом, чтобы командиры и операторы могли применять соответствующие уровни человеческого суждения о применении силы» [ICRC, 2014: 8].

Политика Великобритании заключается в том, что «выпуск полностью автономного оружия не будет разрешен» и что «... эксплуатация систем оружия всегда будет под контролем человека» [там же].

В сентябре 2018 года Европейский парламент (ЕП) принял свою первую резолюцию об АСВ, тем не менее не носящей обязательного характера для государств-членов ЕС.

В апреле и ноябре 2018 года Европейская комиссия и Федеральное правительство Германии впервые опубликовали специальные стратегии по внедрению и применению ИИ. В результате национальные и международные политические дебаты стали более интенсивными и многогранными. Тем не менее, они в основном проводятся в отношении использования ИИ в гражданских целях, что нашло отражение, например, в решениях Германской комиссии по этике автоматизированного вождения. С другой стороны, Бундестаг до сих пор не решил проблемы национальной военной безопасности и политики в сфере международного права [Sassóli, 2014].

Напротив, парламент Бельгии, например, в июне 2018 года принял резолюцию, призывающую к запрету АСВ [там же].

В результате анализа международной правовой дискуссии о распространении и регулировании АСВ нами были выявлены две взаимоисключающие тенденции, одна из которых подразумевает принятие в итоге протокола, имеющего юридически обязывающий характер в духе Конвенции ООН о конкретных видах обычного оружия, который, чтобы его подписало и ратифицировало большое количество государств, должен к тому же иметь обтекаемые формулировки. Если юридически обязывающий документ будет сформулирован однозначно, государства, в настоящее время выступающие против нового регулирования, в том числе США, скорее всего не присоединятся к нему [Crootof, 2015].

Альтернативная возможность состоит в том, что в случае безрезультатности переговоров в духе Конвенции субъекты гражданского общества, например, международная Кампания «Остановить роботов-убийц»² могут инициировать разработку более амбициозного документа вне рамок Конвенции с меньшим числом заинтересованных государств-участников [Eklund, 2020: 49].

Еще одной альтернативой регулирования АСВ может стать принятие международно-правового инструмента с более или менее обтекаемыми формулировками между экстремумами двусмысленности и однозначности в зависимости от того, что станет приоритетом для международного сообщества на данном этапе его развития: привлечение большого числа подписантов либо создание более амбициозного инструмента международно-правового регулирования.

Поскольку государства-подписанты Конвенции о конкретных видах обычного оружия на данный момент не выработали плана будущих действий по регулированию АСВ, центральным элементом дальнейших обсуждений может стать оговорка Мартенса. В этой позиции, являющемся общим для международных договоров о гуманитарном праве и разоружении, указывается, что в отсутствие международного соглашения, устоявшихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания следует обеспечивать защиту гражданских лиц и комбатантов. По мнению ряда экспертов, оговорка Мартенса применима к АСВ, поскольку АСВ конкретно не регулируется международным правом. Эксперты расходятся во мнениях относительно точной правовой значимости оговорки Мартенса, а именно в том, повторяет ли она обычное право, является ли независимым источником права или служит

² Международное движение, призывающее государства начать переговоры в рамках Конвенции ООН о конкретных видах обычного оружия по разработке и принятию юридически обязывающего международно-правового инструмента.

инструментом толкования [Docherty, 2018].

Тем не менее, оговорка Мартенса, как минимум, предусматривает ключевые факторы, которые государства должны учитывать при оценке новых технологий производства вооружения, включая полностью автономное и полуавтономное оружие. Таким образом, она, как минимум, создает моральный стандарт, которым можно руководствоваться в отношении указанных видов вооружения.

Выводы

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы, которые могут быть полезны в дальнейших дискуссиях по вопросам применения принципов МГП к вопросам распространения и применения АСВ.

Достижения и перспективы развития АСВ, в том числе с интегрированным ИИ, позволяют предположить расширению их влияния на мир, чем это предполагалось ранее в юридическом и моральном контекстах, составляющими на сегодняшний день ядро современного дискурса по этому вопросу.

Анализ текущей стадии генезиса МГП позволил выявить растущий интерес международного сообщества к проблемам трансформации концепции вооруженного конфликта и эволюции МГП и активное участие в этих процессах законодательных и исполнительных органов ряда государств и международных организаций и в первую очередь Международного Комитета Красного Креста (ICRC, 2011; ICRC, 2016 и др.).

В силу распространения непилотируемой военной техники и других военных роботизированных систем уже сейчас можно предвидеть, что смертоносная робототехника в ближайшие полтора десятилетия создаст новые проблемы безопасности и усложнит ситуацию на международной арене. Реагируя на эту угрозу, государства должны рассмотреть международно-правовые подходы, предполагающие новые формы контроля за распространением и применением АСВ.

В решении теоретико-правовых проблем применения принципов МГП международным сообществом должны учитываться договорные и обычные запреты и ограничения в отношении конкретных видов оружия, а также общие правила МГП, применимые ко всем видам вооружений, средств и методов ведения войны. К ним относятся принципы, направленные на защиту гражданского населения от неизбирательного воздействия оружия и комбатантов от излишних ранений и ненужных страданий.

Несмотря на достигнутое согласие многих государств о том, что концепция «осмысленного» человеческого контроля весьма перспективна при обсуждении АСВ, концептуальный разрыв между различными позициями в обсуждении конкретных международно-правовых ограничений, подразумевает, что неопределенное регулирование, опередившее общее соглашение об «осмысленном человеческом контроле», может иметь незначительный эффект и в отсутствие четких механизмов мировому сообществу будет сложно уточнить концепцию, особенно в отношении юридических инструментов, обязательных к применению.

Поскольку полностью автономное оружие вызывает озабоченность международного сообщества как в отношении соблюдения принципов гуманности, так и в соответствии с требованиями общественного сознания, возможность применения оговорки Мартенса указывает на настоятельную необходимость принятия конкретного международного соглашения, касающихся новых технологий вооружений. По мнению ряда экспертов (Docherty,

2018; Петрова Д.А. и др., 2019), чтобы устранить любую неопределенность и соответствовать всем компонентам оговорки Мартенса, новый международный правовой документ должен принять форму упреждающего запрета на разработку, производство и использование полностью автономного оружия.

Библиография

1. Бисултанов А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов. Автореферат дис... канд. юр. н.: 12.00.10. – М.: РУДН, 2016.
2. Бухмин С.В. Применение норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием сил ООН. Дис... канд. юр. наук: 12.00.10. – Казань: КГУ имени В.И. Ульянова-Ленина, 2005.
3. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права, № 7, 2014. – С. 5–19.
4. Петрова Д.А., Гайворонская Я.В., Мамычев А.Ю. Смертоносные автономные системы: этические, юридические, политические проблемы и перспективы их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса, Том 11, № 4, 2019. – С. 33–43.
5. Chartoff, Philip (2018). Perils of Lethal Autonomous Weapons Systems Proliferation: Preventing Non-State Acquisition. Geneva Centre for Security Policy. Retrieved from <https://www.gcsp.ch/publications/perils-lethal-autonomous-weapons-systems-proliferation-preventing-non-state>.
6. Crotoft, Rebecca (2015). The Varied Law of Autonomous Weapon Systems. In: Williams, Andrew & Scharre, Paul (ed.), *Autonomous systems: issues for defence policymakers*, Norfolk, VA, NATO Communications and Information Agency, pp. 98–126.
7. Docherty, Bonnie Lynn & Christian, Russell (2018). Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots. Human Rights Watch. Retrieved from <https://www.hrw.org/report/2018/08/21/heed-call/moral-and-legal-imperative-ban-killer-robots>.
8. Eklund Musco, Amanda (2020). Meaningful Human Control of Autonomous Weapon Systems Definitions and Key Elements in the Light of International Humanitarian Law and International Human Rights Law. FOI: Defence Research Agency. – pp. 59.
9. ICRC (2011). International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts. Report. 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent. Geneva, Switzerland, 28 November – 1 December 2011. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/red-cross-crescent-movement/31st-international-conference/31-int-conference-ihl-challenges-report-11-5-1-2-en.pdf>.
10. ICRC (2014). Autonomous Weapon Systems: Technical, Military, Legal And Humanitarian Aspects International Committee of the Red Cross. Expert Meeting Geneva, Switzerland 26 to 28 March 2014. Retrieved from <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/4221-002-autonomous-weapons-systems-full-report%20%281%29.pdf>.
11. ICRC (2016). Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons. Expert meeting, Versoix, Switzerland, 15–16 March 2016. Retrieved from http://icrcndresourcecentre.org/wp-content/uploads/2017/11/4283_002_Autonomus-Weapon-Systems_WEB.pdf
12. Mundy, Jacob (2011). Deconstructing civil wars: Beyond the new wars debate, *Security Dialogue* 42, no. 3: 191–205.
13. Petman, Jarna (2017). Autonomous Weapons Systems and International Humanitarian Law: ‘Out of the Loop’? Retrieved from https://um.fi/documents/35732/48132/autonomous_weapon_systems_an_international_humanitarian_law__out_of_the/c0fca818-3141-b690-0337-7cfccbed3013?t=1525645981157.
14. Sassóli, Marco (2014). Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified. *International Law Studies*. Volume 90: 308–340.
15. Warren, Aiden & Hillas, Alek (2017). Lethal Autonomous Weapons Systems Adapting to the Future of Unmanned Warfare and Unaccountable Robots. *Yale Journal of International Affairs*, Volume 12: 71–85.

Theoretical and legal problems of applying the principles of international humanitarian law in the context of arms autonomy

Ol'ga A. Burukina

PhD in Philology, Associate Professor,
Russian state University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya pl., Moscow, Russian Federation;

PhD student,
Institute of legislation and comparative law
under the Government of the Russian Federation
117218, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: burukina@mail.ru

Abstract

The article discusses the key issues raised by the development of autonomous weapons systems (AWS) in accordance with international humanitarian law (IHL), with particular attention to the problems of applying the basic principles of IHL to AWS at the present stage of discussion in the political and legal circles of the international community.

At the present stage of IHL development, the design, production, distribution and application of AWS are not specifically regulated by IHL international conventions and protocols. However, there is no doubt that the use of AWS must comply with the principles of IHL. Responsibility for ensuring this lies, first of all, with each state developing, deploying and using combat autonomous systems.

The author analyzes the opposite trends that have formed in the modern legal community regarding obligations under international law. At the same time, a significant part of the world community believes that both obligations and responsibility for them cannot be transferred to military vehicles, computer programmes or weapons systems.

Particular attention is paid to the issue of responsibility for the use of AWS in the aspect of IHL application at different levels: individual, institutional, state and interstate.

For citation

Burukina O.A. (2020) Teoretiko-pravovye problemy primeneniya printsipov MGP v usloviyakh avtonomizatsii vooruzhenii [Theoretical and legal problems of applying the principles of international humanitarian law in the context of arms autonomy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (5A), pp. 92-103. DOI: 10.34670/AR.2020.17.84.014

Keywords

Arms autonomy, autonomous combat systems, international humanitarian law, theoretical and legal framework, applicable principles of international humanitarian law.

References

1. Bisultanov A.K. The development of international humanitarian law in the changing nature of modern armed conflict. Abstract of the PhD Thesis (International Law): 12.00.10. Moscow, RUPF, 2016.
2. Bukhmin S.V. Application of international humanitarian law in armed conflicts with of UN forces participation. PhD

- Thesis (International Law): 12.00.10. Kazan, KSU n.a. V.I. Ulyanov-Lenin, 2005.
3. Chartoff, Philip (2018). Perils of Lethal Autonomous Weapons Systems Proliferation: Preventing Non-State Acquisition. Geneva Centre for Security Policy. Retrieved from <https://www.gcsp.ch/publications/perils-lethal-autonomous-weapons-systems-proliferation-preventing-non-state>.
 4. Crootof, Rebecca (2015). The Varied Law of Autonomous Weapon Systems. In: Williams, Andrew & Scharre, Paul (ed.), *Autonomous systems: issues for defence policymakers*, Norfolk, VA, NATO Communications and Information Agency, pp. 98–126.
 5. Docherty, Bonnie Lynn & Christian, Russell (2018). Heed the Call: A Moral and Legal Imperative to Ban Killer Robots. Human Rights Watch. Retrieved from <https://www.hrw.org/report/2018/08/21/heed-call/moral-and-legal-imperative-ban-killer-robots>.
 6. Eklund Musco, Amanda (2020). Meaningful Human Control of Autonomous Weapon Systems Definitions and Key Elements in the Light of International Humanitarian Law and International Human Rights Law. FOI: Defence Research Agency. pp. 59.
 7. ICRC (2011). International Humanitarian Law and the challenges of contemporary armed conflicts. Report. 31st International Conference of the Red Cross and Red Crescent. Geneva, Switzerland, 28 November – 1 December 2011. Retrieved from <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/red-cross-crescent-movement/31st-international-conference/31-int-conference-ihl-challenges-report-11-5-1-2-en.pdf>.
 8. ICRC (2014). Autonomous Weapon Systems: Technical, Military, Legal And Humanitarian Aspects International Committee of the Red Cross. Expert Meeting Geneva, Switzerland 26 to 28 March 2014. Retrieved from <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/4221-002-autonomous-weapons-systems-full-report%20%281%29.pdf>.
 9. ICRC (2016). Autonomous Weapon Systems: Implications of Increasing Autonomy in the Critical Functions of Weapons. Expert meeting, Versoix, Switzerland, 15–16 March 2016. Retrieved from http://icrcndresourcecentre.org/wp-content/uploads/2017/11/4283_002_Autonomus-Weapon-Systems_WEB.pdf
 10. Kapustin A.Ya. International Law and Challenges of the 21st Century // *Journal of Russian Law*, No. 7, 2014. – P. 5–19.
 11. Mundy, Jacob (2011). Deconstructing civil wars: Beyond the new wars debate, *Security Dialogue* 42, no. 3: 191–205.
 12. Petman, Jarna (2017). Autonomous Weapons Systems and International Humanitarian Law: ‘Out of the Loop’? Retrieved from https://um.fi/documents/35732/48132/autonomous_weapon_systems_an_international_humanitarian_law__out_of_the/c0fca818-3141-b690-0337-7cfcbed3013?t=1525645981157.
 13. Petrova D.A., Gaivoronskaya Y.V., Mamychev A.Yu. Fatal autonomous systems: ethical, legal, political problems and prospects for their solution // *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, Volume 11, No. 4, 2019: 33–43.
 14. Sassóli, Marco (2014). Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified. *International Law Studies*. Volume 90: 308–340.
 15. Warren, Aiden & Hillas, Alek (2017). Lethal Autonomous Weapons Systems Adapting to the Future of Unmanned Warfare and Unaccountable Robots. *Yale Journal of International Affairs*, Volume 12: 71–85.